

Ито Огава

КАНЦТОВАРЫ ЦУБАКИ

УДК 821.521.0-31
ББК 84(5Япо)-44
036

小川糸
ツバキ文具店

Перевел с японского Дмитрий Коваленин

Дизайн обложки: Flora Waycott
手紙 : 萱谷恵子 (カヤタニ・ケイコ)
(Иероглифы: *Keiko Kayatani*)

Огава, Ито

036 Канцтовары Цубаки : [роман] / Ито Огава ;
[пер. с яп. Дмитрия Коваленина]. — Санкт-Петербург : Polyandria NoAge, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-6048275-4-3

- © 2016 Ito Ogawa
All rights reserved.
Original Japanese edition published by Gentosha Inc., Tokyo.
Russian language translation rights arranged with Gentosha Inc. through The English Agency (Japan) Ltd.
© Коваленин Д. В., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2023

ВОЗРОЖДАЯ ДЫХАНИЕ СЛОВ Записки юной каллиграфессы

Предупреждаем сразу: данное чтение — сугубо эстетское. Настолько, что даже предисловие к этой книге хочется, вздохнув поглубже, начать с дисклеймера:

«Любители головоломных японских убийств, кровавых самураев и коварных гейш, проходите мимо! Такая книга, наверное, все-таки не для вас. Слишком уж она спокойная и медитативная».

Слишком «свежая и простодушная», как выразилась одна из японских читательниц на веб-сайте Ито Огавы.

А другая тут же добавила: «Да! Одна из комфортнейших книг, какие я читала за последние годы! В ней настолько мягко и уютно, что хочется читать все дальше и дальше — под очередную чашку зеленого чая. И даже в самый промозглый зимний день угадывать в воздухе едва различимые ароматы грядущей весны».

Повествование здесь похоже на вроде бы простенький салат из трех ингредиентов:

- а) сценки из обычной жизни 25-летней девушки-каллиграфа по имени Хатоко;
- б) размышления героини о смысле бытия;
- в) техническое описание процессов и стилей написания японских писем.

Все! Казалось бы, вот нам и весь роман. В котором даже любовная интрига происходит не с главной героиней, а с ее подругой, и не на основной сцене, а где-то за кулисами этой истории...

Впору спросить: так о чем же тогда история?

А история эта — о японских письмах. Или, еще точнее — о *призраках* писем, которые являются нашим глазам в виде разных человеческих почерков.

Некоторые из персонажей этой истории вполне себе живы, некоторые — уже мертвы. Но и те, и другие продолжают активно воздействовать друг на друга, являясь нам в виде букв и иероглифов. Знаки эти прописываются кистями, перьями, шариковыми ручками, фломастерами, карандашами, но главное — руками самых разных людей. С разными судьбами, характерами и страстями. Которые то и дело сплетаются перед глазами Хатоко в очередное батальное полотно — панораму еще не оконченного сражения, исход которого зависит и от нее самой.

Смотря что — и как — она напишет в ответ.

Ведь наша юная мастерица древнего искусства *юхицу* обладает поистине колдовским умением каллиграфической мимикрии. Или, говоря проще, *она умеет переселяться в чужие почерки*.

Совершенно не случайно сцена действия книги — бывшая столица Японии, древний город Камакүра, основанный еще в XII веке первым японским сёгуном Минамото-но Ёритомо. Именно здесь он построил свою непобедимую крепость, защищенную горами и морем, в которой удерживал власть над страной и побеждал любого, кто пытался его свергнуть. В этих междоусобных войнах по-

гибло столько народу, что даже сегодня, в XXI столетии, неуспокоенными душами убитых воинов, по выражению Хáтоко, «кишат все улочки Камакуры» — и слухи об очередной встрече с тем или иным призраком расползаются по городу чуть ли не ежедневно...

Впрочем, слухи эти известны в основном лишь самим горожанам, которые предпочитают «не выносить сор из избы» — и не отпугивать от Камакуры главных «кормильцев». Ведь хотя сам город совсем небольшой (около 200 тыс. чел.), в нем расположено аж 176 древнейших японских храмов, которые ежегодно притягивают сотни тысяч туристов со всего мира. А уж о живописных диких пляжах залива Сагами нечего и говорить.

Из всех ныне существующих городов Японии по глубине исторических традиций с Камакурой могут потягаться разве только Киото и Нара.

Вот почему здесь до сих пор еще сохранилось древнее ремесло *юхицу*, которым так гордится Хáтоко и которое уже практически не встречается в повседневной жизни всей остальной Японии.

Писцы-каллиграфы *юхицу* — как правило, женщины — оказывали уникальные услуги всем тем, кто не умел выражать себя на письме. Эти образованнейшие дамы писали красивые письма от имени любых заказчиков. Самые виртуозные мастерицы были вхожи во внутренние покои сёгуна. Как правило, таких на весь город было всего человека два или три. Им доверяли свои политические и любовные тайны главные лица государства. По первому зову, в любое время дня и ночи они должны были предстать перед высочайшими заказчика-

ми — и, перевоплотившись в них, выразить их волю и чувство на письме. Эти виртуозы каллиграфии называли себя Воинами Тени (影武者 — кагэ-муся) — невидимыми хранителями языка тех, от чьего имени они пишут послания.

Одной из таких «воительниц тени», как гласит предание уже в начале книги, и была древняя прапрапрабабка Хатоко.

Точно так же, как в любом другом японском ремесле, тайны и навыки *юхицу* передавались по женской линии от матерей к дочерям, по цепочке через века. А потому девочек в роду потомственных каллиграфов с ранних лет обучали грамоте и кистевому письму настолько серьезно, что их повседневная жизнь напоминала, скорее, аскезу отшельниц в женском монастыре.

От этих мастериц требовалась не только максимальная концентрация при письме, но и безупречное чувство слова. А также знание вековых традиций корреспонденции, включая умение выбрать нужные тушь, кисть, бумагу, конверт и даже марку — исходя из самой ситуации, а также времени года, настроения заказчика и желательного результата переписки.

Стоит ли говорить, что к концу XX столетия профессия *юхицу* оказалась на грани вымирания. И в этом смысле «Канцтовары Цубаки» — своеобразный *реквием рукописному тексту*. Оглушительный успех этой книги в Японии объясняется еще и тем, что Ито Огава своей книгой затронула очень деликатную для соплеменников тему. О том, как это важно — на фоне всеобщей механизации, компьютеризации, универсализации и так далее — со-

хранить в словах тепло человеческого дыхания, а в буквах — тепло человеческой руки.

Многие обычаи и традиции, которые приходится соблюдать Хатоко в ходе работы (как и в повседневной жизни простого обывателя «храмовой столицы» Камакуры), сегодня практически утрачены. Так, например, судя по отзывам японских читателей, мало кто из японской молодежи вообще слышал, что такое алтарь для сожжения писем *фумидзука*. А подавляющее большинство горожан искренне считают камелию (*цубáки*) «похоронным цветком», хотя раньше она означала нечто куда более жизнерадостное.

В итоге «Канцтовары Цубаки» явились для японской публики напоминанием о том, чем люди дорожили веками, но о чем сегодня вспоминают с большим трудом, если помнят вообще. И таких ностальгических напоминаний японцам «о том, какими они были еще недавно» набралось на целый роман.

Мы старались объяснять подобные нюансы как в расширенном переводе, так и сносками.

Но главная, и самая интересная, проблема, над которой пришлось поломать голову и переводчику, и издателю этой книги на русском, заключалась в другом. Вопрос философского порядка: если составной частью текста книги должен быть рукописный текст японского мастера *юхицу*, не значит ли это, что и на русском в идеале мы должны приглашать своего, российского каллиграфа, который написал бы одно письмо «рассерженно-колючими» таракашками, другое — «возвышенно-соболезнующей» вязью, третье — «нежно-влюбленной» летящей скорописью?

Как переводчик, я искренне надеюсь на успех этой книги и у нас. И буду очень рад, если при ее переиздании мы, даст бог, еще вернемся к этому вопросу. Так, любопытно, что до нас «Канцтовары Цубаки» перевели только на два языка: китайский и французский. При этом китайские версии каллиграфических писем Хатоко понравились далеко не всем китайцам, а французские коллеги, судя по всему, пока не осмелились приглашать для «передачи почерков» своего французского каллиграфа, а сделали примерно то же, что и мы.

В любом случае очень здорово, что благодаря Ито Огаве у нас есть еще один шанс воспеть гимн живому Слову, которое веками соединяло человеческие сердца и помогало людям понимать друг друга даже в самых спорных и деликатных ситуациях, разрешая любые конфликты на бумаге, а не на поле брани.

И так же здорово, что один из главных, на мой взгляд, вопросов книги так и остался открытым — ровно настолько, чтобы возвращаться к нему снова и снова.

Если ты настоящий профессионал, должен ли твой почерк «прогибаться» под любое письмо, даже если ты не согласен с его содержанием?

Отличный вопрос. Мне как переводчику показалось, что ответ на него можно найти в финальном письме этой книги.

Возможно, нечто подобное покажется и вам?
Удачи!

Дмитрий Коваленин

ЛЕТО

Мой домик уютится у подножия невысокой горы. По адресу: префектура Канага́ва, город Камáкура*. Но при этом на самой окраине: добираться до центра пешком — отдельное приключение.

Раньше я жила там с Наставницей, но три года назад она умерла. С тех пор в этом стареньком доме я одна.

Впрочем, особенно одинокой себя не чувствую. Всегда ощущаю вокруг чье-нибудь присутствие. И хотя по ночам окружающие улочки замирают и погружаются в могильную тишину, напоминая город призраков, с рассветом воздух снова приходит в движение и отовсюду слышатся чьи-нибудь голоса.

---

* *Камáкура* (яп. 鎌倉, букв. «склад серпов») — историческая столица Японии в эпоху Камакура (1185–1333), средоточие древнейших японских храмов и святилищ, сохранившихся до наших дней. Сегодня — небольшой современный город с населением ок. 200 тыс. чел., одно из популярнейших мест мирового туризма. Пригороды К. также знамениты живописными морскими пляжами — как дикими, так и оборудованными для купания и виндсерфинга.

По утрам, как обычно, я первым делом умываюсь, затем набираю воды в чайник и ставлю его на плиту. А пока он закипает, подметаю полы, прохожусь везде мокрой тряпкой. Полы на кухне и в прихожей, татами в гостиной, лестницу на второй этаж — все это, одно за другим, освежаю для нового дня.

Чайник тем временем послушно закипает. Я прерываю уборку, чтобы залить чай в заварнике кипятком. И, пока заваривается, дотираю шваброй полы.

Запустив стиральную машину, я наконец-то присаживаюсь глотнуть чайку. Из фарфоровой чашки, благоухающей чуть дымчатым ароматом. О том, что слегка подкопченный чай — это вкусно, люди вокруг меня стали думать совсем недавно*. И я долго не могла понять, зачем мои предки обязательно прокаливают чайные листья перед ошпариванием. Но теперь, даже в самом разгаре лета, без горячего копченого чая по утрам мое тело просто не просыпается.

Я рассеянно прихлебываю этот чай — и наблюдаю, как в стене дома напротив, на лестнице между первым и вторым этажом, открывается маленькое окошко. Это моя соседка слева, госпожа Барбара. То есть с виду-то она вроде бы стопроцентная японка, но почему-то все зовут ее именно так. Может, когда-то за границей жила, кто ее знает...

— Доброе утро, Поппо-тян!

---

* Традиция слегка коптить листья чая перед завариванием возникла в Китае в конце XVII в. В Японии распространилась среди особых гурманов к концу XX в.

Ее радостный голосок несется по ветру игриво, как доска виндсерфера по волнам.

— Доброе утро! — отзываюсь я, как всегда чуть повысив голос.

— Чудный сегодня денек! Освободишься — заглядывай на чай! Мне прислали отличную кастеллу* из Нагасаки!

— Большое спасибо! И вам хорошего дня!

Обмениваться с нею приветствиями, пока она торчит у себя в окошке между первым и вторым этажом, — тоже часть моего распорядка. Прямо как Ромео с Джульеттой, думаю я всякий раз, воркуя с ней таким образом, — и едва удерживаюсь от смеха.

Поначалу, конечно, я была в замешательстве. Все эти странные разговоры новой соседки, ее кашель и голос, который она то и дело повышала на кого-то по телефону, а также периодический шум сливного бачка в чужом туалете создавали иллюзию, будто мы с нею живем под одной крышей. Даже если о ней не думаешь, эти звуки постоянно напоминают: ты не один.

Но постепенно я привыкла к ее присутствию и начала здороваться с ней по утрам. Теперь наш обмен репликами поутру — словно некий сигнал, по которому очередной день приходит в движение.

Зовут меня Хáтоко. Амэмия Хáтоко. «Голубка в храме Дождя»**... Так уж назвали предки. Понят-

---

* *Кастелла* (яп. カステラ, касутэра) — популярный в Японии бисквит из пшеничной муки с медом, появившийся в XVI в. благодаря португальским торговцам.

** *Амэмия Хáтоко* (яп. 雨宮鳩子) — по иероглифическому ряду считывается как «Голубка (*хато-ко*) в храме Дождя (*амэ-мия*)».

ное дело, в честь храма Цуруга́бка-Хатима́н-гу*. А поскольку первый иероглиф имени бога, восьмерка, похож на голубиные крылья, с раннего детства, сколько я себя помню, все зовут меня Поппо-тян**.

Но как же надоела эта жара спозаранку! Стоит признать, летний зной в Камакуре — это нечто особенное. Французские булочки, едва вынутые из печи, от жары совсем расплзаются, а морская капуста, твердая с виду, тает во рту, как желе.

Развесив во дворе белье, выношу мусор — на ближайшую свалку, которую еще называют «станцией», у самого берега речушки Никайдó.

Сгораемый мусор со «станции» забирают дважды в неделю. Раз в неделю все остальное: бумагу и ткань, пластик и дерево, бутылки с жестянками. А по субботам закрывают «станцию» на уборку. Несгораемый и габаритный мусор увозят раз в месяц. Поначалу, когда эти правила ввели***, такая тща-

---

* *Цуруга́бка Хатима́н-гу* (яп. 鶴岡八幡宮) — главный синтоистский храм Камакуры, а также географический, культурный и музейный центр города, место проведения главных фестивалей и праздников Камакуры. Построен в 1063 г. в честь бога лучников и войны Хатимана (яп. 八幡), чье имя, в свою очередь, означает «восемь небесных знамен», что спустились с небес, возвещая людям о рождении Первого Императора. Для доставки этого известия на землю он выбрал голубку, чье тело в полете копирует очертания лука и стрелы, а распахнутыми крыльями напоминает «восьмерку» (яп. 八 — хати) из имени Хатимана.

** *Пóппо* (яп. ポッポ) — звукоподражание для воркующих голубей, японское «гули-гули».

*** Муниципальная политика по разделению бытового мусора населением внедрена в Японии повсеместно примерно с середины 1990-х гг. Сегодня японцы разделяют

тельная сортировка мусора казалась слишком нудной и хлопотной, но теперь стала делом привычным и даже напоминает забавную игру.

Время мусора заканчивается, наступает время школьников с ранцами. Детишки нашей улицы, как по команде, выбегают из своих домов, строятся в шеренгу и дружно шагают по улице в начальную школу за пару кварталов отсюда. Именно эти школьники и составляют чуть ли не половину всех моих покупателей в лавочке «Канцтовары Цубáки».

Подходя к дому, я окидываю его взглядом снаружи. Старые раздвижные двери, верхние половинки застеклены. На левой — надпись «Канцтовары», на правой — «Цубаки». А сразу перед входом, будто в подтверждение серьезности такого названия, растет огромная камелия, оберегая дом от напастей*.

На стене рядом с дверью прибита деревянная, давно потемневшая от времени табличка. Если приглядеться, на ней еще можно прочесть фамилию: «Амэмия». Знаки выписаны кистью — словно бы второпях, но уверенным почерком каллиграфа. Обе надписи, конечно же, оставили мои предки.

утилизируемый мусор минимум на 4 категории (сгораемый, несгораемый, перерабатываемый и габаритный), но в зависимости от правил конкретного района таких категорий может вводиться и до 6–7.

* Защитные свойства камелии (*Camellia japonica*, яп. цубáки) воспевались в Японии издревле. Поскольку период ее цветения более полугода, для японцев этот цветок — традиционный символ долголетия и один из амулетов богини солнца Аматэрасу. Во времена запрета в стране христианства (XVII–XIX вв.) камелия стала тайным символом Христа для японцев-католиков, которым запрещалось носить крест.